

АНДРЕЙ ЛАЗАРЕВ

Городское пространство Парижа XVI в.

Каким видели Париж его жители и путешественники в XVI веке? Какие элементы городского пространства они различали, какие функции им приписывали, как ориентировались, как оценивали расстояние, наконец, какие особые символические сетки они мысленно набрасывали на этот город? Все эти вопросы касаются восприятия, очень субъективных переживаний, которые возникали у людей неосознанно и которые воплощались в повседневных практиках. Например, в зависимости от своего восприятия люди по-особому передвигались по городу. У жителей были свои ориентиры, связанные с разными символическими маршрутами, скажем, маршрутами власти: королевских въездов, свадеб и прочих праздников, похорон, религиозных процессий или казней, которые проходили, подобно силовым линиям, притягивая к себе внимание; город был полон особых мест, связанных с культом святых или мифологиями отдельных корпораций. Осознанно или нет, человек XVI века продвигался по городу, следуя своей, не реальной, выражаемой географически, а ментальной карте. И двигался он не так, как мы, жители столичного города России XXI века, потому что даже так называемые «техники тела» у него были другие¹.

Что для нас в этом интересного? Во-первых, простое утоление любопытства: мы узнаем, что город раньше виделся так-то и так-то, иначе, чем мы видим сейчас (А ведь есть еще темы: звуки города, запахи в городе, город наощупь...). Во-вторых, некоторые особенности прежнего восприятия были связаны с базовыми чертами менталитета. Изучая городское пространство глазами современников, можно выйти на более общие вопросы. Например, на мышление категориями или степень насыщенности текстов конкретикой, что кратко затрагивается в первой

¹ А.Бикбов. Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы// «Логос», №3–4, 2002.

части статьи. В-третьих, некоторые элементы восприятия города живы-здоровы и по сей день, или они как-то преобразились, но еще узнаваемы, или, в-четвертых, они сыграли какую-то роль в развитии существующих практик, культурных, социальных, политических и т.п. Примеры последнего — во второй и третьей частях, где говорится о таких практиках, как «торжество на площади» и «обзор города с башни».

1. Контексты и элементы

Данная статья — результат анализа источников нескольких типов. Во-первых, это десять дневников парижан (три в XV в., семь в XVI в.). Во-вторых, травелоги (дневники путешествий) иностранцев и путеводители, всего числом двенадцать (из них четыре французских путеводителя: Ж. Коррозе 1550 г., Ф. Де Рю 1605 г., А. Дюшеня 1609 г., К. Де Варенна 1643 г.). В-третьих, архитектурно-утопические трактаты, итальянские и французские. В-четвертых, травелоги французов, странствовавших за границей. В-пятых, нотариальные акты Парижа (пока проанализировано 2 тысячи из доступных 12 тысяч). Наконец, источники смешанного характера: отрывки из хроник (отличающихся от дневников прежде всего тем, что они составлялись много позже событий и подчинялись своей собственной жанровой логике), описания, составленные по случаю (свадеб, похорон, королевских въездов), реляции и речи, посвященные особым событиям (волнениям, мятежам, проделкам гугенотов и козням католиков) и литературные произведения (Ф.Рабле, Б.Деперье, А.Добинье).

Я уже упомянул, что статья — результат анализа, и во многом — контент-анализа, как простого, так и контекстуального, применительно только к двум первым типам источников. Сама эта техника используется с XVIII в. и представляет собой простой подсчет элементов в заданном тексте. Предполагается, что количество элементов (как относительное, так и абсолютное) уже кое-что говорит о представлениях и целях автора. В нашем случае подсчитывались «элементы городского пространства». Я исходил из предположения, что в тексты попадали лишь элементы, наиболее значимые для авторов. Город окружал авторов, они сталкивались с ним ежеминутно, и лишь тогда, когда эта «встреча» представляла для них определенную новизну, они фиксировали городские элементы, называя их. Довольно часто, когда этого требовали жанровые законы, они заимствовали друг у друга перечисления или целые фрагменты описаний, но всегда есть место для предположений: почему именно эти фрагменты, а не другие. Если такой текст — дневник, то его основу составляют события. Но события всегда разворачиваются где-то, и то, сколько раз упоминается тот или иной городской элемент, указывает на его значение в жизни горожанина, — просто потому, что он связан с событием. Частота упоминания церквей, городских ворот, площадей и дворцов — все это говорит, конечно, не только об отноше-

нии человека к городу как к некоей материальной сущности, но и, гораздо чаще, о социальном, сакральном, символическом значении того или иного элемента. Функции, которые ему приписывались, варьируются от автора к автору, и от одного периода истории к другому. Например, вполне очевидно, что частое упоминание ворот в контексте осады объясняется военными действиями в городе. Однако весьма интересно сравнить число этих упоминаний, касающихся внешне схожих событий, например, Столетней войны и Религиозных войн. Тогда выяснится, что ворота гораздо больше интересовали современника битв между арманьяками и бургиньонами в XV в., чем между гугенотами, королем и лигерами в XVI.

Элементы

Что подразумевается под «элементом городского пространства»? Это материальный объект (или, как в случае с площадью, его отсутствие, обрамленная пустота), который можно увидеть, услышать, потрогать. Это фрагмент пространства, изначально пустой по смыслу или несущий только один смысл, утилитарный, ради которого этот фрагмент и создавался. Естественно, со временем он обрывает другими смыслами (дом становится таверной или «залом» для игры в мяч; таверна — местом, где обмениваются информацией или плетут заговор) и функциями, а в менее осознанной форме — контекстами. Некоторые части города как бы помечаются практиками людей, и в восприятии накрепко связываются именно с ними.

Элементы могут быть как категориальными (т.е. улица, дом или мост) так и именными (собор Нотр-Дам, мост Менял, улица Сен-Жак). Их пропорция, соотношение друг с другом как раз и указывает, насколько автор данного текста предпочитал конкретное общему, а если сравнивать несколько текстов, можно понять, какие факторы влияли на это предпочтение (социально-профессиональный статус автора; богатство эпохи событиями, что вызывало пристальное внимание к конкретике; или же некое изменение ментальности, проявляющееся в интересе к общим категориям). Всех элементов городского пространства — как категориальных, так и именных — по всем анализированным текстам (дневникам, путеводителям, травелогам) набирается более 600, но в каждом встречается в среднем не более 200. Это не так уж много, если учесть, что одних улиц в Париже XVI в. было 500.

Контексты

Контексты — это краткие описания, наименования ситуаций, в которые встраивается упоминание того или иного элемента городской реальности. Если считать элементы «пустыми» или «однозначными», то «контексты» — это их наполнение, закрепление их множественных и неявных функций. Однако поскольку «утилитарные» значения элементов, их изначальные функции порой заложены в названиях (рынок, тавер-

на, дворец), то «контекст» бывает сложно отделить от самого «элемента». Например: «рынок», скажем, Свиной рынок. Когда он упоминается в контексте торговли — это одно, а когда казни — это уже совсем другое. Таким образом, «рынок», хотя в самом слове уже заложена одна функция (торговля), естественно, приравнивается к «пустому элементу»: это особым образом организованная часть пространства, которую, тем не менее, можно использовать по-разному. Конечно, такое можно сказать практически про все «институции»: в Парламенте можно устроить праздник или бойню, а в таверне вести еретическую проповедь. Такие институции тоже включаются в число «элементов», хотя и не становятся основными объектами исследования. Основными являются совершенно пустые «элементы» (улица, площадь, дом) и «элементы», наполнение которых подвергается необычному изменению: колокольни в своей первичной функции не слишком любопытны, интересно, когда их начинают использовать для обзора города. Фонтан как источник питьевой воды — вещь тривиальная, а вот как компонент церемонии королевского въезда или объект эстетического любования он привлекает исследовательское внимание. Прорастание таких новых функций, переозначивание некогда однофункциональных «элементов» имеет особую прелесть. Когда, например, «зал для игры в мяч» используется революционерами для принесения клятвы — это совсем интересно, но относится к более поздней эпохе. В рассматриваемый период было иначе: «залом для игры в мяч» называли любое здание или площадку. «Игра в мяч» было контекстом, а «дом», «дворец», «площадь» (естественно, чаще всего имена, а не категории) — «элементом».

Сочетание первичных утилитарных контекстов и элементов вполне ожидаемо: на рынке торгуют, а в Ратуше заседают прево и эшеваны. Интерес для изучения восприятия представляют новые контексты или сочетания нескольких. Во второй части статьи будут рассмотрены контексты, связанные с площадями (в том числе и рыночными), и новой для XVI в. практикой «официального торжества», в третьей части — контексты для «высотных объектов» (башен, колоколен, холмов, окон на высших этажах) в их отношении к практике «обзора города». Остается еще множество других интересных контекстов, явно ведущих к новым практикам, например, прогулкам по городу (своего рода предок практики «фланирования»). Или другой пример, который явно требует дальнейшей разработки — кладбища. Нет, конечно, там хоронили, и их упоминания именно в этом контексте особенно часты. Но также на кладбищах: читали проповеди, король собирал свои верные швейцарские части и, наконец, на кладбищах торговали мясники!

«Кладбище этой церкви Св. Иоанна (S. Jean-en Greve — А.Л.) находилось на большой рыночной площади близ ворот Бодуае, и эта площадь еще сохранила такое имя, а в центре ее имеется Крест, для обозначения. При-

чина, по которой это святое место было превращено в профанное, было та (как говорят), что здесь убили друг друга два брата»².

А вот рассказ о примечательном переозначивании городского элемента «Крест»:

«Ночью в четверг 10-го марта, по приказу епископа Парижа, и с тайного согласия двора, был взят *Распятие, прозванное taqueteau* (сводник — А.Л.) и людьми из ночной стражи перенесено в епископский дом; это было сделано из-за скандального прозвания, которое ему дали люди, потому что это деревянное Распятие, выкрашенное и позолоченное (обычного размера, какого можно увидеть кресты в приходах), располагалось напротив стены дома, в начале улицы Старый Тампль, рядом со сточными канавами, в котором доме и поблизости находился бордель; и таким образом этот почитаемый предмет нашего благоговения служил вывеской для проституток»³.

Таких примеров можно привести еще множество, но лучше перейти к более подробному рассмотрению практик в связи с контекстами и элементами.

2. Торжество на площади

Из нескольких источников нам известно, что в апреле 1612 г. на только что законченной Королевской площади (теперь она называется площадь Вогезов, строилась Генрихом IV с 1605 г.) была отпразднована помолвка нового юного короля Людовика XIII с Анной Австрийской. Само венчание, правда, произошло в Бордо в 1615 г. Но 1612 г. было торжественное, всепарижское празднество, с особым конным представлением, «Каруселью», которую устроил Антуан де Плювинель, глава Академии конной езды.

Нам важно, что в первый раз официальные, государственные торжества проходили на площади, театрализовано, с толпами зрителей, с большим размахом⁴. После этого на двух площадях, Королевской и Дофина (1611), и еще двух, построенных уже при Людовике XIV (площадь

² Путеводитель: Gilles Corrozet. *Antiquitez Chroniques et singularitez de...Paris*. Paris, 1586 [1550].

³ 1580. *Journal de Pierre de l'Etoile pour le regne de Henri IV (1589–1600)* Paris, 1948

⁴ Празднество длилось три дня, и кроме Карусели, которая была самым настоящим массовым турниром, состояло из разных театрализованных представлений, демонстрации диковинных механизмов (например, судна и движущихся скал) и игр. Зрителей набралось более 10 000, по всему периметру площади выстроили трибуны. Описания этой помолвки, которую называли «свадьбой между Францией и Испанией», можно найти в дневниках и мемуарах Jean de Heroard, marechal de Bas-sompierre, marechal d'Estrees и других. Также см. K.A.Patmore. *The court of Louis XIII*, London 1909, Chapter IV. The King's marriage.

Побед (1685) и Вандомская (1699)) чего только не устраивали: праздники, парады, турниры, даже выставки живописи (в XVIII в.). В каком-то смысле, именно «королевские площади» Парижа стали воплощением королевской власти нового типа (абсолютизма), наравне с дворцами. Как символ власти, площади использовали и для протеста. Например, в 1627 г. бретер граф де Бутевиль устроил на Королевской площади «показательную» дуэль, протестуя против Эдикта 1626 г., как раз запрещавшего дуэли и тем самым покушающегося на вольности дворянства. Очень скоро четыре площади стали центром Парижа, средоточием городской и королевской жизни и, что наиболее важно — образцом для столичных площадей Европы. Тех самых, к которым мы все привыкли, с которыми у нас, людей XXI в., связывается вся бурная городская деятельность. Таким образом, королевская власть в 1612 году впервые «присвоила» и «использовала» площадь в полном объеме. Это была совершенно новая культурная практика, сохранившаяся до наших дней.

Тем не менее, сама идея «присвоения» площади или хотя бы ее «использования», возникла гораздо раньше. Как проект на бумаге — уже в XV в., в Италии, и там же довольно скоро появились площади нового типа, специально устроенные, чтобы выполнять функции, которые были предложены первыми теоретиками урбанизма. Далее мы увидим, что во Франции происходило иначе: архитекторы в своих трактатах следовали устаревшим образцам, а вот реальное употребление площадей, отраженное в восприятии авторов дневников, приближало появление практики «официального торжества».

Для удобства мы обозначим площади, о которых писали архитекторы, как «нормативные», в силу того, что они лишь предлагались к воплощению как идеал, но никогда в реальности не существовали (хотя самим архитекторам казалось, что речь идет о возрождении античных практик).

Нормативные площади

Разбор нормативного образа площади можно начать с трудов «отца» современного урбанизма, Леона Баттиста Альберти (1440 г.). Его предложения довел до совершенства Андреа Палладио (1540 г.). Было множество других итальянских теоретиков архитектуры, которые внесли свою лепту в разработку нормативного образа площадей, но для обзора тенденций достаточно и этих двух. Сначала просто приведем цитаты, и первые будут из трактата Альберти «De re edificatoria»:

«Нужно только еще добавить, что площади делятся на такие, где в мирное время торгуют привезенными товарами и упражняется молодежь, и такие, где во время войны хранятся лес, фураж и тому подобное, потребное для выдерживания осады».

«Перекресток и площадь разнятся только протяжением, ибо перекресток есть небольшая площадь. Платон требовал, чтобы на перекрестках

были места, куда сходились бы и где проводили бы время няньки с детьми. Думаю, это для того, чтобы и дети становились здоровее, дыша вольным воздухом, и няньки, добиваясь похвалы, были более нарядными и, среди стольких наблюдательниц, менее небрежны. Явится украшением и для перекрестка, и для форума, если здесь будет изящный портик, под сенью которого отцы могут вкушать полдневный отдых, либо поджидать друг друга для разговоров о делах. Добавь, что играющую и состязающуюся на открытых площадках молодежь присутствие отцов отвратит от всякого беспутства и шалостей, свойственных резвой юности».

«К числу общественных сооружений относятся места для прогулок, где молодежь занималась игрою в мяч, прыганием и фехтованием, отцы же подкрепляли себя прогулкой, а если они были немощны — катанием».

«Форумы бывают: один — для менял, другой — для торговли овощами, третий — для торговли быками, четвертый — для лесных материалов и тому подобного».

«Части улицы, которым особенно пристали украшения, следующие: мост, перекресток и театр. Ведь театр — не что иное, как площадь, опоясанная рядами ступенек».

«Существуют, кроме того, известного рода дороги, которые имеют природу площадей и служат для определенных целей, по большей части общественных: например те, которые ведут к храму, ристалищу или базилике»⁵.

Столетием позже у Андреа Палладио в «Четырех книгах об архитектуре» всё гораздо более систематизировано, не разбросано по тексту и приведено в согласие.

«...Необходимо, чтобы в городах, в зависимости от их величины, было разбито больше или меньше площадей, на которых собираются жители потолковать о неотложных и полезных своих делах; и так как эти площади имеют разное назначение, то в зависимости от этого нужно предоставлять каждой из них удобное и подобающее ей место. Такие свободные пространства, оставленные в городе незастроенными, служат не только местом прогулок, бесед и торговли, но также придают городу большое украшение, особенно если такие красивые и просторные места находятся в начале улицы и с них открывается вид на какое-нибудь красивое здание и в особенности на храм. Но если хорошо, когда много площадей и когда они разбросаны по всему городу, то тем более необходимо, — и в этом есть величие и значительность, — чтобы в числе их была самая главная, которая, действительно, могла бы называться общественной. Такие главные площади должны быть того размера, какого требует количество жителей: чтобы она не была слишком малой в ущерб удобству и необходимости или не казалась безлюдной при малом количестве жителей. В приморских городах их следует делать около гавани, а в городах, находящихся в глубине страны, — в середине, чтобы они были удобны для всех частей города. По примеру древних, кругом этих площадей долж-

⁵ De re aedificatoria libri decem, 1440 (Генуя или Венеция). (русский перевод: Леон Баттиста Альберти. Десять книг о зодчестве. Пер. В.П.Зубова, М., 1935)

ны быть портики, ширина которых равна высоте их колонн; их назначение — укрыть от дождя, от снега, от солнца и от всех неприятностей непогоды; однако все постройки, воздвигаемые кругом площади, не должны быть (согласно Альберти) выше одной трети ее ширины и ниже одной шестой. К этим портикам можно будет подниматься по ступеням, высота которых будет равна одной пятой длины колонн. Арки, которые воздвигаются при начале улиц, то есть у входа на площадь, служат ей большим украшением»⁶.

Сразу заметим, что ни Альберти, ни Палладио ничего не говорят об официальных торжествах на площади. Можно предположить, что сама идея королевских праздников, призванных символизировать абсолютистскую власть во Франции, была очень далека от представлений итальянцев, воспитанных в традициях городских коммун. Для них площади — в первую очередь «общественные». Тем не менее, именно они первыми заговорили о площадях, как о возможных объектах для какого-либо использования, а значит, и для поднятия и репрезентации королевского авторитета.

В текстах Альберти и Палладио об этом напрямую не говорится, но ясно, что площади надо либо создавать искусственным образом (т.е. строить по плану, исходя из предлагаемых ими функций), либо подгонять под них уже существующие. Рассмотрим, какие же это были желаемые функции, и какое они могут иметь отношение к «королевскому торжеству».

Итак, во-первых, у площади должна быть эстетическая функция, связанная с понятием *voluptas* (красота, эстетичность, приятность), о котором много говорит Альберти, в противоположность *commoditas* (удобству). Палладио указывает, что площадь должна быть украшением города, ее необходимо планировать, выстраивать пропорционально и ее границы должны обозначаться фасадами зданий. Кроме того, она сама должна быть украшена: портиками, статуями, фонтанами. На следующее правило Альберти и Палладио прямо не указывают, но оно явно следует из их логики, а, главное, соблюдается при строительстве новых площадей в Италии — в Виджевано (1492, при Лодовико Моро) и в Ливорно: фасады зданий должны быть унифицированными. То есть, площадь получается закрытой, своего рода увеличенной копией дворцового двора, на что и указывал Пьер Лаведан. При этом сама собой выкристаллизовывается ее форма — прямоугольная. В отличие от естественных площадей, форму которых вообще определить невозможно, что демонстрируют, например, карты Парижа конца XVI в.

Во-вторых, это функция, идущая от античности, и связанная со спортивными состязаниями и просто коллективными развлечениями. Заметим, что эта функция напрямую входит в «торжество» 1612 г. (конная

⁶ Andrea Palladio. I quattro libri dell'architettura. Venetia, 1570 (русский перевод: Четыре книги об архитектуре Андреа Палладио. Пер. Жолтовского В. М., 1938).

«Карусель»). Этот аспект связан с первой, эстетической функцией — через тему зрелища и даже театрального представления («*Ведь театр — не что иное, как площадь, опоясанная рядами ступенек*»). Связь с театром хорошо показывает иллюстрация из трактата другого итальянского архитектора и теоретика, Себастьяно Серлио (1542)⁷, который участвовал в строительстве Фонтенбло по приглашению Франциска I. Его творчество, как теоретическое, так и строительное, сильно повлияло на французских архитекторов, а еще более — на театральных художников, как Франции, так и Англии. На его иллюстрациях представлены не площади, а именно театральные сцены: Серлио предлагает декорации для комедии, трагедии и драмы. Особенно характерны декорации драмы: изображено свободное центральное пространство, окруженное с трех сторон зданиями (с четвертой предполагается зритель). В дальней стороне имеется монумент (стелла), а на верху фронтона стоят три статуи. Часть зданий имеет портики. Именно такими будут потом классические площади, и в первую очередь, французские. В них, как уже говорилось, главное — фасады, и недаром Генрих IV, когда выпустил эдикт о строительстве Королевской площади (в 1605), повелел, чтобы по четырем сторонам квадратной площади располагались девять павильонов с фасадами из кирпича и камней, скрепленных стяжкой. За единообразными фасадами, писал король, каждый пусть организует свой дом (отель), как он того пожелает⁸. Стоит заметить, что статуи (королей) на французских площадях тоже появились весьма скоро.

В-третьих, это функция площади, которая получила развитие в итальянских трактатах, и, собственно, в итальянской реальности, но не во французских трактатах. Это общественная функция. Площадь должна использоваться для решения дел, разговоров и просто прогулок граждан.

Наконец, четвертая функция, самая очевидная — торговля. Здесь нет ничего утопического, и даже нормативного, эта функция традиционная, утилитарная и, возможно, первичная.

Отметим еще раз элементы городского пространства, которые сопутствуют площади: фонтаны, скульптуры, портики и фасады⁹.

⁷ Sebastiano Serlio. Regles generales de l'architecture...selon la doctrine de Vitruve. 1542.

⁸ Цитата приводится по Пьеру Лаведану. Этот же исследователь указывает, что архитектор Жюль Ардуэн Мансар составил план Вандомской площади (в 1680-х), следуя Серлио: одни фасады. Даже планировать здания за ними он оставит другим архитекторам. Кроме того, за строительством домов на Вандомской площади стоит известная история с банкнотами Джона Лоу: именно в обмен на них продавалась земля за фасадами под застройку// Lavedan, Pierre. Histoire de l'Urbanisme Renaissance et Temps modernes. Paris, 1941.

⁹ Пьер Лаведан указывает, что в какой-то мере эти проекты получили воплощение во французских площадях. При этом что касается украшений, портики были, но французы стали вводить больше статуи, а не фонтаны. Это более по-немецки, чем по-итальянски, но, как мы увидим, фонтаны тоже оставались важной частью торжественной функции площадей// Там же.

Теперь рассмотрим, насколько захватил этот «проект» воображение французских архитекторов и мыслителей. Практически, во французских текстах упоминаются только первые две из предложенных итальянскими архитекторами-урбанистами функции: эстетическая и зрелищно-спортивная. Общественная и торговая не получают отражения. Что же касается профессионалов — французских архитекторов — то анализ трудов двух самых значительных из них в XVI в. (Филибер Делорм и Жак Андруэ Дюсерсо) показывает, что они не интересовались площадями и вовсе о них не писали.

Только в конце изучаемого периода, когда Генрих IV уже создал свои образцовые парижские площади, во французские трактаты по градостроительству площади, наконец, просочились. Однако лишь вместе с совершенно утопическими городами (авторов больше занимала форма этих площадей: круглая, звездчатая и т.п.). Примером такого подхода может послужить труд Жюля Перре (1607): *«Это город с 16 сторонами по окружности, включая одну сторону его цитадели, в которой находится ход внутрь... Город — совершенная квадратура, и его улицы прямые. Все здания сделаны как Большие Дворцы, они соединяются перекрестками с павильонами на террасах над улицами; павильоны стоят на больших аркадах; в середине имеются большие площади для того, чтобы был хороший воздух, и, если захочется, сады. Вокруг большой площади в середине стоят 8 павильонов с их зданиями и за ними — четыре большие площади для рынков...»*¹⁰

Однако, хотя она начисто отсутствует у французских архитекторов, первая функция, эстетическая, получает свое отражение в текстах французских путешественников. По указаниям Альберти, в Италии площади нового типа (окруженные портиками и фасадами, пропорциональные, построенные по плану, а не образовавшиеся сами по себе) реально сооружались, а не оставались лишь в проектах. Однако красота самой первой площади такого типа в Виджевано, построенной по приказу герцога Лодовико Моро в 1492 году, вовсе не привлекла внимания путешествующего Филиппа де Коммина. Он там был, когда площадь уже возвели. Весь городок он назвал жалким.

Все меняется через несколько десятков лет. При этом и Мишель Монтень (1580–81 гг.), и Королева Марго (впечатления 1570-х, но записаны в 1590-х) ведут себя несколько непатриотично. Монтень в своих странствиях отмечает красоты площадей, практически везде, кроме родной Франции, за одним исключением: ему понравилась площадь в Витри-ле-Франсуа, которая считается одним из примеров площади нового типа¹¹:

¹⁰ Perret, Jacques. Des fortifications et artifices. Architecture et perspective de Jaques Perret, gentilhomme savoysien. — [Paris], [1601].

¹¹ Сам город строился по приказу Франциска I с 1543 г. вместо разрушенного войсками Карла V итальянским инженером Джироламо Марини, воплощая план «идеального города». Квадратная Place d'Armes возводилась уже при Генрихе II, с 1548. По-

«Это маленький город, расположенный на реке Марне, и построенный тридцать пять-сорок лет назад, там, где сгорел другой Витри. У него еще сохранилась первичная, весьма пропорциональная и приятная форма, и его центр — это большая квадратная площадь, одна из самых красивых во Франции»¹².

Королева Марго, путешествуя по Фландрии, также отмечает красоту и просторность и, главное, пропорциональность площадей и наличие на них фонтанов. *«Город Камбре, хотя и не был построен так добротно, как города Франции, я нашла очень приятным: его улицы и площади пропорциональны, а церкви, являющиеся украшением всех городов Фландрии, просторны и красивы»; «Льеж хорошо отстроен, почти все дома каноников похожи на роскошные дворцы. Улицы города большие и широкие, площади красивые, на каждой — изящный фонтан»*¹³.

Вторая функция, т.е. аспект, связанный со взглядом на площадь, как форум, где состязаются, также получает реализацию отнюдь не в архитектурных трактатах. Как мы помним, в реальности, т.е. в реальном торжестве 1612 г., эта функция косвенно была задействована (конная «Карусель»). Профессор Пьер де Ла Раме (Петр Рамус), в своей речи о споре за луг Пре-о-Клер (на который претендовал и Парижский университет, и монастырь Сен-Жермен-де-Пре) развивает урбанистический план, в котором одно из главных мест принадлежит площади, но в форме «спортивной площадки», «Марсового поля», античной площади (как у Альберти), где «состязаются» юноши (у де Ла Раме — студенты).

«О чем говорил Аристотель с Платоном, касаясь управления (police) в городе, когда указал, что после того, как наиболее красивое место в городе отдано богам, следующее по красоте [он предназначил] для дворца магистратов и начальствующих государства (Respublique)? Нужно, — говорит он, — чтобы рядом с этим местом (lieu) была площадь (place) такого устройства и богатства, как та, что в Фессалии называют Свободной — очищенная от всякого мусора, который появляется там, где есть обычай продавать и покупать; и чтобы там не было ни мастерских, ни рабочих, ни других людей этого вида, если только их не призовут магистраты; эта площадь (place) должна быть настолько же приятной, как и места упражнений для детей; ведь эта площадь (place), которая является гордостью города, должна принадлежать обитателям, согласно тому, сколь велик или мал у каждого возраст; также следует, чтобы несколько магистратов присутствовали при играх молодых людей, чтобы

среди нее поставили дворец, а вскоре и деревянную церковь. Большинство зданий вокруг пристроили позже, уже в XVII веке.

¹² Michel de Montaigne. Journal de Voyage de Michel Montaigne en Italie par la Suisse et l'Allemagne en 1580 et 1581. Paris, 1774.

¹³ Мемуары королевы Марго. (пер. И.В.Шевлягиной, подготовка С.Л.Плешковой), Издательство МГУ, 1995.

присутствие магистратов вызывало честный стыд или скромность, как было в Риме на Марсовом поле»¹⁴.

Далее в той же речи обсуждаются водоснабжение и фонтаны. В принципе, это не столько архитектурный проект, сколько утопия. Даже торговле с ее мусором ле Раме на своей площади места не выделяет. Жак Делюмо, рассматривая утопии эпохи Возрождения¹⁵, указывает, что в части урбанизма они практически сходились. Почти все утописты предлагали собственные планы городов, и в этих городах присутствуют площади того или иного типа. Возможно, речь де Ла Раме — это самый ранний урбанистическо-утопический проект во Франции, касающийся площадей, если не считать Телемского аббатства у Франсуа Рабле.

Надо заметить, что у Рабле вообще нет парижских площадей, и ни разу не употребляется ни один из четырех терминов. Но какие-то части Телемского аббатства, в первую очередь внутренний (нижний) двор — являются «предтечей» площади, какой ее желали видеть итальянцы. Не следует забывать, что Рабле упоминает в «Гаргантюа» трактаты Альберти, Витрувия и других архитекторов. О том, какое отношение имеет закрытый двор у Рабле к площади, будет сказано чуть далее, в параграфе, посвященном карнавалу и зрелищам. Пока же приведем цитату:

«Посреди внутреннего двора был дивный алебастровый фонтан... Стены, выходившие во двор, поддерживались массивными колоннами из халцедона и порфира, которые соединялись прекрасными античными арками, а под этими арками были устроены прелестные галереи, длинные и широкие, украшенные живописью, а также... другими достопримечательностями... Напротив женской половины, между двумя первыми башнями, были устроены для развлечения ристалище, ипподром, театр, бассейн для плавания и изумительные трехярусные бани... У реки был разбит для прогулок красивый парк с лабиринтом посередине. Между двумя другими башнями помещались манежи для игры в маленький и в большой мяч...»¹⁶

Как уже говорилось, третья функция площади, общественная, практически не отражается во французских источниках, связанных с утопиями и нормативами. Хотя Монтень и употребляет словосочетание «общественная площадь» (*place publique*), рассказывая об итальянских городах, но никто после него этой темы не развивает. «Общественная площадь» у итальянцев, правда, могла использоваться для прогулок. Этот последний аспект также будет учтен Генрихом IV: площадь, по словам его эдикта 1605 года, даст возможность *«прогуливаться жителям, кото-*

¹⁴ Harangue de Pierre de la Ramee touchant ce qu'on fait les deputez de l'Universite de Paris envers le Roy. Paris, 1557.

¹⁵ Delumeau, Jacques. La Civilisation de la Renaissance, Artaud, 1973 (русский перевод: Жак Делюмо. Цивилизация Возрождения, М., 2006).

¹⁶ Rabelais, Francois. Oeuvres. Vol.1-2. Paris-1885-86. (пер. Н.М.Любимова, М., 1991).

рым тесно в своих домах». В целом, французские нормативные площади, в отличие от итальянских, не предназначались для общественной жизни. Однако в восприятии реальных площадей этот аспект проявился.

Воспринимаемые площади

Теперь мы переходим от «желаемого образа» площади к «воспринимаемому». Спешу объяснить, что речь пойдет как раз о контекстах, в которых встречались четыре термина, обозначавшие площадь в XVI в. Сначала мы посмотрим на связь «королевских торжеств» и площадей, потом «народных увеселений» и площадей, а потом вообще использования площадей властью и, наконец, попробуем понять, как и почему, возможно, королевская власть вообще увеличила свое внимание к площадям.

Четыре термина были следующие: *place* (буквально площадь), *carrefour* (перекресток), *marche* или *halle* (рынок) и *parvis* (паперть). Базовым термином был, конечно, «*place*», он же часто заменял остальные три.

Официальные торжества и королевские маршфуты

Первое известное мне упоминание площади в контексте официального торжества встречается не в дневниках, а в специальном описании церемонии свадьбы дофина Франциска (будущего короля Франциска II) с Марией Стюарт в 1558 году. Не исключено, что для периода до 1612 г. это вообще единственное упоминание. Сначала описывается бал и «театр» в Лувре. Затем: «... был сделан другой театр, или эшафот (подмостки) на паперти Нотр-Дам (которая является большой площадью перед указанной церковью), с галереей, идущей от двора епископа до главной двери указанной церкви, а оттуда до ее хора; этот театр и галерея были двенадцать футов в высоту, а снизу были сделаны как арка, и украшены со всех сторон виноградными лозами, на античный манер»¹⁷.

Здесь, как мы видим, есть вполне очевидное сходство с помолвкой 1612 г., но не полное: ведь основное празднество проходило все-таки в Лувре, а паперть Нотр-Дам (хотя это и площадь) явно воспринималась в данном специальном контексте («театра», т.е. представления на библейскую тему!) продолжением церкви.

Дневники вообще не позволяют полагать, что в XVI века площади использовались для каких-либо церемоний: свадеб, приемов, въездов или процессий. Скорее всего, площади как элемент городской реальности оставались закрытыми для власти вплоть до осуществления строительных проектов Генриха IV. За исключением вышеприведенного примера, свадьбы и приемы отмечались исключительно во дворцах. Даже

¹⁷ Discours de grand et magnifique triumphe fait au mariage de tres-noble et magnifique Prince Francois de Valois... et... princesse Madame Marie d'Estrevart, Roine d'Escosse. Paris, 1558.

турниры и театрализованные бои проводили не на площадях, а во дворах замков. Например, в Тюильри, Лувре, Турнеле, дворце Бурбонов¹⁸.

Существовал еще один вид королевских церемоний, развертывающихся в городском пространстве: торжественные въезды — первые, пост-коронационные, и менее торжественные — последующие. Тут можно сказать с полной уверенностью: на площадях их никогда не проводили, и на этот раз уже судя не только по дневникам, травелогам и путеводителям, но и по особым описаниям въездов, неоднократно разбиравшихся историками¹⁹.

Тем не менее, для этих церемоний активно используются скульптуры (временные, чаще всего из гипса) и фонтаны. При въездах (особенно пост-коронационных) разыгрывались мистерии на особых эстрадах или эшафотах. Места для этих мистерий назывались «станциями»: у ворот (Сен-Дени), у церкви (Троицы), и у фонтанов (Королевы, Мобю, и Понсо, который находился прямо у ворот Сен-Дени, через которые традиционно вступали в город монархи, всегда двигаясь далее по улице Сен-Дени и до дворца Пале). Во время последующих въездов в Париж допускались иные маршруты, тем не менее, также избегавшие площадей. Здесь, однако, интересно то, что отдельные «станции» все же имели отдаленное сходство с площадями, особенно те, которые устраивались у фонтанов.

В XV и XVI вв. коронационные въезды следовали четко прописанным маршрутам²⁰. Но интересно, что когда в 1660 г., впервые после

¹⁸ Например, из описания знаменитой свадьбы Генриха Наваррского и Королевы Марго, незадолго до Варфоломеевской ночи, у Н. Бонфана: «18 августа (1572) праздновали свадьбу... свадебные гулянья и пир проходили в Лувре, а некоторые бои во дворце Бурбонов». А вот «простой» королевский праздник: «(27 июня 1566) Король, отправившись в Тюильри и Лувр после обеда, порадовался турнирам, которые проводили на реке Сене между Нельскими и Новыми воротами: посреди воды был построен форт, как целый мир, который был окружен пушками и орудиями, и его захватывали люди, одетые в чертей...» // G. Corrozet. *Antiquitez... de Paris*. Paris 1586.

¹⁹ см. Bryant, Lawrence M. *The King and the City in the Parisian Royal Entry Ceremony: Politics, Ritual, and Art in Renaissance*. Travaux d'humanisme et renaissance, vol. 216. Geneva, 1986 и Yates, Frances A. *Astreae or the imperial theme in Sixteenth century France*. Routledge, 1999 (русский перевод части II, Е. Бергер в рукописи)

²⁰ Вот примеры описания: 1440, въезд Генриха VI: «Затем он подъехал к [церкви Святой] Троицы, где на возвышении (*echaufaudage*), простирающемся от ц. Святого Спасителя до конца улицы Дарнеталь, там, где находится фонтан, который называют Фонтан Королевы, были нарисованы сцены таинства от Зачатия Богоматери до Бегства в Египет. Оттуда, он проследовал к воротам Сен-Дени, где был обезглавлен славный мученик господин Святой Дионисий. На входе эшвены оставили суконный балдахин, который они несли до [кладбища] Невинноубиенных...» или 1449 «Король возвращается из Руана. Улицы, по которым проходила процессия, были занавешены, как в день праздника Тела Господня, и на большой улице Сен-Мартен, почти напротив фонтана Мобю, была построена большая эстрада, на которой представляли прекрасную историю мира и войны, пересказывать которую здесь было бы слишком долго» *Journal d'un bourgeois de Paris a la fin de la guerre de Cent Ans (1405-1449)*. Paris, 1963

1571 г., был проведен королевский въезд, он направился уже по новому маршруту, и одним из самых важных моментов торжества стало созерцание королевского обелиска у площади Дофина, а на Новом Рынке (тоже площадь, только старая) была поставлена триумфальная арка.

Чем ближе по времени к венчанию 1612 г, тем больше в источниках эстетизируются площади и сопутствующие им (согласно итальянским архитекторам) украшения. Жиль Коррозе с удовольствием рассказывает, что при Франциске I были перестроены фонтаны дю Понсо и у Теруанского Креста. Андре Дюшенъ в своем путеводителе (1607) тоже радуется, что за последние годы, во второй половине правления Генриха IV, фонтанами всерьез занялся купеческий прево:

«Именно господину Мирону Париж обязан тем, что получил такие украшения, устроенные за два года, каких его предшественники на этой же службе не сделали почти за два столетия... увидел свои перекрестки напоенными множеством других Фонтанов, которые никогда не освежались на памяти их обновителя: фонтаны Понсо, Лез-Аль, Королевы, Святого Лазаря, Теруанского Креста, Святой Екатерины, Кающихся Дев, Божьих Дев и Верного Колодца на горе Святой Хиларии в [части] Университета»²¹.

Правда, фонтаны были не только частью въездной церемонии, но и источником пресной воды, а, кроме того, Дюшенъ ничего не говорит о реальном строительстве площадей, которое осуществлялось буквально у него на глазах, как и швейцарский путешественник Томас Платтер, который ничего хорошего не может сказать о площадях Парижа: «Я не помню, чтобы видел в [части] Университета много примечательных площадей, за исключением площади Мобер»²². Потребуется довольно много времени, прежде чем красоту новых парижских площадей начнут замечать иностранцы. Например, Антуан де Ромбиз, приехавший в Париж уже в 30-х годах XVII века: «Справа (от Бастилии – А.Л.) мы встречаем квадратную площадь, каждая сторона которой ограничена девятью домами: ее считают заслуживающей имени Королевская Площадь»²³.

Таким образом, мы действительно видим, что до Генриха IV площади не ассоциировались с церемониями и торжествами. В данном случае восприятие отражало, скорее всего, реальность: власть не использовала площади для торжеств (хотя фонтаны ценились издавна). Требовалось построить новые площади, чтобы возникла новая ассоциация в реальности и новый контекст в источниках.

²¹ Andre du Chesne. Antiquitez et recherches de villes, chasteaux et places plus remarquables de toute la France, Paris, 1609

²² Je ne me rappelle pas avoir vu dans l'Universite beaucoup des places remarquables, a l'exception de la place Maubert // Description de Paris par Thomas Platter le Jeune de Bale (1599) trad.fr. Sieber (Memoirs de la Societe...T. 23, 1896).

²³ Anthoine de Rombise, Voyage a Paris (1634–35), trad. Paul Lacombe // Memoire de la Societe...T.13, 1886

Народные празднества

Как уже говорилось, Франсуа Рабле ни разу не употребляет ни одного из четырех терминов, синонимов площади, в отношении Парижа. Тем более странно, что Михаил Бахтин в своем знаменитом исследовании часто упоминает площадь, утверждая «площадной» характер карнавальнoй культуры, или говоря о «народно-площадных увеселениях». Он пишет: «цинизм Рабле существенно связан с городской площадью, с ярмарочной и карнавальнoй площадью позднего средневековья и Возрождения» и т.п.²⁴

У Бахтина есть одна интересная оговорка, объясняющая, откуда взялся этот образ «народной площади». Он рассказывает о сочинении Рабле «Сциомахия и празднества, данные в Риме во дворце (выделено мной — А.Л.) его преосвященства дю Белле» (14 марта 1549 г.): и снова заговаривает о площади: *«В начале этого праздника на площади было разыграно сражение... В конце праздника был устроен грандиозный пир с невероятным — совершенно пантагрюлистским — количеством колбас и вина. Такие празднества вообще очень характерны для эпохи Возрождения. Еще Буркхардт показал, как велико и существенно влияние этих празднеств на художественную форму и мировоззрение Ренессанса, на самый дух этой эпохи. Он не преувеличивал этого влияния... Правда, Буркхардт имел в виду не столько народные площадные праздники, сколько придворные, вообще официальные праздники Ренессанса»*. О том, что площадь Возрождения, скорее всего, происходила не столько от античного форума, сколько от внутреннего двора замка или дворца, писал и Пьер Лаведан. Таким образом, описание внутреннего двора Телемского аббатства у Рабле вполне законно рассматривать как утопический вид площади. Однако, это справедливо лишь для нормативного образа. В том же, что касается ассоциаций, т.е. того, как Рабле воспринимал (и передавал свое восприятие) современных

²⁴ См. также: «На протяжении всего средневековья государство и церковь принуждена была делать большие или меньшие уступки площади, считаться с площадью» (с. 42), «Атмосфера эфемерной свободы царили как на народной площади, так и в бытовой домашней праздничной пирушке» (с. 40), или «Площадь позднего средневековья и Возрождения была единым и целостным миром, где все «выступления» — от площадной громкой перебранки до организованного праздничного зрелища — имели нечто общее, были проникнуты одной и той же атмосферой свободы, откровенности, фамильярности... Площадь была средоточием всего неофициального, она пользовалась как бы правами «экстерриториальности» в мире официального порядка и официальной идеологии, она всегда оставалась «за народом». Конечно, эта сторона площади раскрывалась полностью именно в праздничные дни. Особое значение имели периоды ярмарок, которые приурочивались к праздникам и тянулись обычно довольно долго» (с. 66), «Во всей мировой литературе нет, вероятно, другого произведения, которое с такой полнотой и глубиной отражала бы все стороны народно-площадной жизни, как роман Рабле. Голоса площади слышим мы в ней громче всего» (с. 67) // Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Художественная литература, М., 1990.

ему площадей Парижа, я предпочел следовать избранной стратегии: не рассматривать ассоциаций, которые не привязаны хотя бы к одному из указанных терминов: *place*, *parvis*, *carrefours* и *marche*.

Хотя у Рабле народные празднества на площадях не упоминаются, в дневниках такое встречается. Правда, лишь в отношении одной-единственной площади, Гревской. Там традиционно зажигали огни на Рождество²⁵. Иногда — по особым, торжественным случаям, например, в 1576 г. (у Н. Бонфана), в честь заключения мира между принцами, или в 1582 г., союза между королем Франции и швейцарскими кантонами (у П. де Летуаля). Б. Дифендорф пишет, что «Празднества на Гревской площади были... не настоящим народным весельем (*communal celebration*)... а актом ритуального служения наиболее бедных жителей города своей политической элите»²⁶.

Народные празднества без налета официальности и подчиненности проходили в других местах, а именно — на улицах. Вот что, например, пишет де Летуаль: «1591. Валлонцы провели на улицах Парижа маскарад по страстям Иова». Между «народными увеселениями» и «театром», несомненно, была связь, но, как уже говорилось, ни то, ни другое не ассоциировалось с площадью: «народные увеселения» проходят на улицах, а «театр», особенно когда он стал профессиональным (уже не библейские «мистерии», а спектакли итальянской труппы комедиантов «*I gelosi*») — в старых дворцах²⁷. По описаниям Томаса Платтера видно, что улицы были нужны акробатам, чтобы переходить с одной на другую²⁸. «Народные увеселения» требовали движения. Закрепление пло-

²⁵ У Андре Дюшена: «И потому, что во всем христианском мире зажигают общественные огни (*feux publics*) на Рождество святого патрона Иоанна Крестителя в знак своего веселья, и бегают наперегонки, Париж готовится к нему за два года, и [праздник] на Гревской площади действительно достоин Парижа. Нет более торжественного проявления своей радости, чем то, которое делают огни, свет которых, кроме других простых вещей, представляет Божественное, как говорит Платон, что бог населяет зажженное естество (*une essence enflurée*), от которого рождаются ручки всякой радости и утешения. Также и римляне во время своих публичных веселий зажигали общественные огни на перекрестках и особенно в своих домах».

²⁶ Barbara B. Diefendorf. *Beneath the Cross. Catholics and Huguenots in XVIth-century Paris*. Oxford Univ. Press, 1991, с. 27.

²⁷ Вот цитата, в которой объединяются «королевский въезд», «театр» и «народные увеселения»: «Въезд Карла VII, 1437 г. Перед [монастырем] Филь-Дье был устроен фонтан на четыре трубы, из одной текло молоко, из другой красное вино, третья выбрасывала белое вино, а четвертая воду... Вся остальная часть улицы Сен-Дени и других, были украшены для театров, игр, персонажей и представлений, согласно обычаю того времени». G. Corrozet. *Antiquitez...*

²⁸ Порой, в отношении «народных увеселений» была гораздо важнее близость к церкви, как антиподу театральных подмостков. В новелле Деперье говорится о знаменитом театральном постановщике Жане Понтале, как просто о шутнике, который устраивает очередную проделку у церкви Святого Евстахия, играя на тамбурине. При этом «у Св. Евстахия», значит — на Лез-Аль (*les Halles*), рыночная площадь, но в тексте об этом не сказано, а, значит, это и не осмысливается.

щади под представления требовало большей стабильности, более сильной власти:

«Бургундский дворец...комедия в большом зале...Также в Париже много других комедиантов, артистов и музыкантов, которые показывают чудесные и художественные вещи, проходя множество раз на дню от одной улицы до другой. Другие обосновались в каком-то одном квартале, объявляют (о представлениях — А.Л.) и собирают деньги».

Добинье в «Бароне де Фенесте»²⁹ указывает, что часто театральные представления (профессиональные, не акробатические!) устраивались в залах для игры в мяч, а тот же Платтер рассказывает, как Париж буквально захватили игроки в мяч — вместо того, чтобы реставрировать дом, его сносят, и оставляют место для игры в мяч. Таким образом, мы выходим к еще одной ассоциации с площадями — как площадками для игры, т.е. нормативной «форумно-спортивной» функцией. Но здесь сразу надо заметить, что эти площади, образовавшиеся после сноса домов, не воспринимались как площади (нет самого слова), хотя они и были воплощенным аналогом мечтаний Ле Рапе.

Таким образом, мы видим, что изначально (и до самого конца XVI в.) площади никак не ассоциировались с какими-либо праздниками, будь то королевские торжества (которые проводились во дворцах или растягивались на весь город, как в маршрутах королевских въездов), народные увеселения (которые проводились везде, где только можно, а особенно на улицах), и даже театральные представления в современном смысле этого слова (проводились в старых дворцах). Можно даже отметить, что первые два вида были чрезвычайно «мобильны» и «динамичны» — словно само городское пространство Парижа еще не зафиксировалось. Далее мы увидим, что реальное использование властью площадей (для оповещений и казней) тоже имело «динамичный» характер.

Оповещения

У площадей была еще одна сфера применения, никак не отраженная в утопиях и архитектурных трактатах. Власть использовала их, и весьма активно, для оповещений, «криков». «Криками под звуки труб» сообщали обо всем подряд, от мира с англичанами или папой и покорения Милана, до, например, наступления голода в Париже. Или даже, в весьма неофициальной форме, о смерти Генриха III в 1589 году.

«И тут же она направилась к мадам де Немур, своей матери (которая выказала не меньшую радость), а затем обе взобрались в их карету и стали ездить по городу, и на всех перекрестках и площадях, где они

²⁹ Теодор Агриппа д-Обинье. Приключения барона де Фенеста. Жизнь, рассказанная его детям (пер. И.Я.Волевич, В.Я.Парнах). Москва, «Наука», 2001.

видели собравшийся народ, они громко кричали: «Хорошие новости, друзья! Тиран умер! Во Франции больше нет Генриха Валуа!»³⁰

Стоит заметить, что в этом случае чаще всего используется не термин *place*, а *carrrefours* (перекресток). Хотя, в некоторых источниках, например, нотариальных актах из собрания Куайека ясно сказано, что и площади использовались для объявлений.

Как и в случае с маршрутами королевских въездов, использование площадей для оповещения было «динамическим» — ведь перекрестки это то место, куда стекается движение по главным улицам, не более того. Это некая вершина улиц.

«Все площади и особенно те, которые являются пересечением улиц, называемым перекрестком, то есть площадью четырех дорог, достигаемых со всех сторон...»³¹

Заметим, что такое представление о площади, на самом деле, входит в некоторое противоречие с утопическим, где площадь — это замкнутое, изолированное пространство.

Казни

В ряду контекстов, где фигурируют площади, уверенно лидируют казни. Не торговля, не народные праздники, не театральные представления, не прогулки, не какие-либо акции самоуправления, не официальные торжества. Площади в контексте «казнь» упоминаются чаще, чем во всех прочих контекстах вместе взятых.

Важная черта в связи с казнями: площади не были их единственным пунктом, хотя часто — конечным. Казни не совершались на одном месте. Они проходили по своим маршрутам, являясь очистительной церемонией, значимой для всего города.

Осужденных на смерть или какое-либо другое наказание (покаяние, денежный штраф, сожжение еретических сочинений), возили по всему Парижу, тем самым оставляя на городе некие «метки». Порой эти маршруты бывают довольно запутанными. Самая частая и простая комбинация такая: осужденного везут из тюрьмы (например Консьержи) до Нотр-Дама, где он приносит покаяние, затем к одному из нескольких мест: площадям Гревской, Мобер, Свиной, Ле Аль (там Пилори, «позорный столб»), или кладбищу Невинноубиенных, где происходит собственно казнь (сожжение, удушение, колесование, отрубание языка, или отрубание кистей), а потом тело, целиком или по частям, доставляют на *Gibet de Paris* (за стенами Парижа) или к четырем основным воротам. Причем тип казни был явно связан с характером преступления,

³⁰ Journal de l'Estoile pour le regne de Henri IV (1589–1600) Paris, 1948

³¹ Etat de Paris au XVI-e siecle, extrait de Theodore Zvinger « Methodus Apodemica », trad. Fr. J. Cousin // Memoire de la Societe... T. 1, 1875.

что, в общем, известно (государственных преступников, изменников, разрывали лошадьми; еретиков обязательно подводили к Нотр-Даму или церкви Святой Женевьевы, а то и к обеим церквям, их книги жгли у Нотр-Дама: в данном случае это «у Нотр-Дама» выражалось как раз через один из синонимов площади: «parvis», хотя часто использовалось и «devant» (перед).

Итак, реально площади играли значительную роль лишь для одной-единственной практики в жизни парижан, и то, эту роль приходилось делить с другими элементами городского пространства. Можно сказать так: площади входили в схему особого движения. Все проявления жизни, а в данном случае административно-сакральные, словно бы еще не остановились, не зафиксировались за одним местом. Площадь представляла собой лишь одну из станций на пути.

Следует заметить, что в 1580-х годах, кажется, теряется четкая «маршрутность» казней. В дневнике де Летуаль много сообщений о казнях без уточнений маршрутов, а главное — в местах, прежде для того, если верить ранним дневникам, не использовавшихся. Можно предположить, что постоянное напряжение религиозных войн вытеснило некое традиционное пространственное значение маршрутов, однако, конечно, не лишило казни очистительной силы. Казнить стали где угодно и без подробностей — или, по крайней мере, так воспринимали наблюдатели. Де Летуаль просто сообщает: сожгли (повесили) такого-то на площади Грев, или Мобер.

И, тем не менее, вплоть до начала XVII века площади и казни как бы сливались: это наиболее надежная ассоциация (можно сказать и до начала XX в. и вспомнить, например, о роли площади Согласия во время Французской революции). Все путеводители и иностранные путешественники обязательно говорят об этом. Кстати, стоит заметить, что у архитекторов и утопистов такая функция площади вообще не упоминается! Для XV-XVI вв. имеет место и некий «дрейф» мест казни. Так, если в XV веке наиболее «модна» была Ле-Аль с Пилори (Позорным столбом), то в XVI в. первенство постепенно переходит к Гревской, но какое-то время с ней соперничают площадь Мобер и Свиная.

Таким образом, в XVI веке площади через маршруты казней включались в некую динамику. Можно предположить, что и в этом контексте как стабильные, статические объекты они не воспринимались.

Бунты и военные действия

В освоении и присвоении городского пространства всегда особую роль играли военные действия, которые заставляли современников особенно остро ощущать это городское пространство. Некоторые элементы даже входят в историю исключительно в таком контексте. Интересно, что в путеводителе Ж. Коррозе, который рассказывает о парижских событиях со времен Юлия Цезаря, слово перекресток (carrefour) впервые появляется только в XV в., когда он рассказывает о цепях на пе-

реквестках во время уличных боев Столетней войны. И вплоть до XVI столетия, перекрестки для него ассоциируются именно со сражением и только затем — с другими событиями.

Однако, если немного сдвинуть акцент на народную активность в целом, на самоуправление и бунтарство, наблюдается интересная картина. В нашем, современном сознании площадь привычно связывается с такого рода деятельностью. То же происходит, например, и у Филиппа де Коммина (конец XV в.), когда он путешествует и пишет об иностранных городах, Генте и Флоренции. Он вообще упоминает площадь всего четыре раза, из них три касаются мятежей в Генте и один — во Флоренции. Но с родными, французскими площадями у него таких ассоциаций не возникает.

И напротив, они есть у путешествующих иностранцев, заметим, иностранцев, происходящих из мест, богатых историей самоуправления. Например, у Бонаккорсо Питти в описания мятежа майотенов в Париже 1382–83 упоминается Гревская площадь:

«...начал восстание в Париже «тощий народ», и восстание это начала одна торговка на площади, которую сборщик налогов хотел оштрафовать за неуплату габеллы на фрукты и травы, которые она продавала. Она начала кричать «Долой габеллу»...И весь народ поднялся, и все побежали к домам сборщиков габеллы, разграбили их и поубивали... И, поскольку весь этот тощий народ был без оружия, один из них направил их к новому замку, где еще мессер Бертран Дюкеглен, тогда бывший коннетаблем Франции, велел хранить 3000 налитых свинцом палиц...Народ разбил топорами двери башни, где лежали упомянутые палицы, каковые стали с тех пор называться «молоточками», разбежался по всему Парижу, грабя дома королевских служащих и многих из них убивая...»³²

Другие парижские авторы, как и Коммин, какие-либо военные события, даже сборы, на площадях вплоть до второй половины XVI века не упоминают. В источниках XV в. отряды собираются там, где они нужны — у городских ворот, у крепостей (Бастилия, башня Билли). Важные изменения начинаются с Религиозных войн, и особенно они проявились в День Баррикад (12 мая 1588 года), когда Католическая Лига сторонников герцога Гиза буквально восстала против прогугенотской политики короля Генриха III и захватила Париж. Именно в День Баррикад выяснилось, что власть, как королевская, так и городская, не уделяла площадям достаточного внимания, в первую очередь, именно в военном смысле.

О «Дне Баррикад» сохранилось множество документов. Также это событие попало и в парижские дневники. Интересно сравнить восприятие их в дневниках, в отчетах и других документах, составленных с какой-либо иной целью (например, оправдать или осудить действия властей).

³² Питти, Бонаккорсо. Хроника. (пер. З.В.Гуковской). «Наука», Ленинград, 1972

Вот как описывает в своем дневнике День Баррикад Николя Брюлар, один из лигеров³³:

«В среду 11 дня указанного месяца (мая 1588 — А.Л.) Король собрал некий совет, чтобы узнать, что ему можно сделать для спокойствия города и управления, опасаясь, что указанный господин Гиз возжелает захватить его и распределить (власть — А.Л.) иначе, чем это было при нем (Короле — А.Л.), и этот совет предложил поставить четыре тысячи швейцарцев с гвардией Короля в четырех местах (площадях?) города, чтобы укрепиться и затем сделать смотр вооруженным горожанам, которые имеются, и какие у них в домах есть люди, что было сделано в четверг 12, и указанные швейцарцы для охраны поставлены на площади Ратуши (Hotel de Ville), другие — на кладбище Невинноубиенных, другие — от Нового Рынка до края моста Сен-Мишель и другие — у Малого Моста... Увидев это, горожане стали вооружаться и барикадироваться против них, и натягивать все цепи в городе таким образом, что они взбунтовались против швейцарцев и гвардии и пошли с ними сражаться, что привело к тому, что их осталось (лежать) восемьдесят или сто, которых разгромили горожане, и если бы только господин де Гиз не прибыл их отбивать, они были бы все убиты, даже маршал Домон, де Бирон и До, который, как говорят, и дал этот совет...»

Вот другое описание, из специальной «реляции по случаю»:

«В четверг швейцарцы вошли в Париж через ворота Сен-Оноре. Когда они вошли, их силы были распределены по приказу Его Величества и под предводительством господина Бирона по разным местам и площадям, не для того, чтобы что-либо предпринимать или кого-то обижать, но только для того, чтобы удерживать город и не допустить какого-либо бунта или возмущения в нем... Их поместили на площади Св.Иоанна-на-Грев (la place de Saint-Jean-en-Greve) и перед Ратушей... Также на Малом Мосту... на Новом Рынке... на [кладбище] Невинноубиенных и во многих других местах... Порядок этого распределения был хорошо исполнен для той цели, с которой оно было сделано, но это не дало ни блага, ни защиты, ни твердости. Распределение не было повсеместным, и его не было в нескольких местах, где оно было особенно необходимо, из-за неохоты людей, а особенно на площади Мобер, где в начале не было никого; ведь этот кантон (се canton-la), будучи захваченным, мог быть причиной того, что и все остальные оказались бы заняты.

И вдруг студенты с одной стороны начали двигаться и спускаться от Университета; и вскоре площадь Мобер была захвачена; несколько баррикад были устроены в десяти шагах от швейцарцев... Господа де Бриссак, Буа-Дофэн, Шамуа и другие сторонники господина де Гиза начали наседать на швейцарцев, и те не оказывали никакого сопротивления»³⁴.

³³ Nicolas Bruslart. Journal d'un ligueur parisien. Edition critique, introduction et notes par Xavier Le Person, Geneve, 1999.

³⁴ Amplification des particularites qui se passent a Paris lorsque M. de Guise s'en empara et que le Roi en sortit. Mai 1588 // Archives curieuses de l'histoire de France... Paris, 1834. Tome II.

Приведенный выше отрывок — уже не из дневника, а из более или менее официального донесения. Здесь мы видим несколько интересных вещей, касающихся площади. Во-первых, Гревская площадь неожиданно названа площадью Св.Иоанна-на-Гревской (площади), т.е. в честь церкви, которая уже носила название площади. Во-вторых, в отношении площади Мобер употреблено странное словечко *canton*, с возможной отсылкой к швейцарским кантонам и со значением «плацдарм». И, наконец, сама площадь Мобер представлена как стратегически важный парижский объект. Таким образом, получается, что король, последовав совету и не разместив на ней войска, допустил ошибку. Горожане (в первую очередь студенты), захватили ее, и королю, в конечном итоге, пришлось покинуть город. А разместил он войска в других местах, не все из которых были связаны с площадями (два из четырех — у мостов). Однако, эти места, как указано в других документах, были «обычными» для распределения войск (*endroits accoutumes*). То, насколько события Дня Баррикад повлияли на восприятие всего городского пространства Парижа, заслуживает отдельного рассмотрения. Касательно же площадей заметим, что в этот день их стали использовать, и использовать неожиданно для королевской власти. Другие источники (в частности, один из них — практически дневник лигера, эшевена Сент-Йона³⁵) указывают несколько иное размещение войск, и более сложную картину захвата площади Мобер:

«Гриллон, грозя небу и земле, единственный, который хотел пройти по телам парижан, пожелал захватить площадь Мобер; но обнаружив, что самый вход (*emboucheure*, дословно «устье», «горловина») на указанную площадь Мобер закрыт в районе перекрестка Сен-Северен, где утвердился один капитан от Университета, этот Гриллон был вынужден развернуться и поменять дорогу; это и было первое сопротивление, оказанное горожанами...

...Вышеуказанный капитан от Университета, который командовал на улице Сен-Жак, распределив свою десятку хорошо забарикадировавшейся и занявшей три места, а именно: место церкви Сен-Ув, перед часами Сен-Бенуа и перед Якобинцами; вышел к перекрестку Сен-Северен с отрядом своих горожан, чтобы показаться у входа (*emboucheure*) на перекресток Сен-Северен, от которого зависел проход к площади Мобер, и прибыв туда, немедленно приказал выстроить баррикаду в шести шагах от противников, которые выставили стражу на указанном перекрестке Сен-Северен, и ее бесславно прогнали и принудили выстроиться рядом с гвардией...»

Де Летуаль, не испытывавший никакой симпатии к Католической лиге, не стал вдаваться в подробности, а сообщил лишь, что 12 мая король разместил солдат во многих местах Парижа, а горожане, видя,

³⁵ Histoire très véritable de ce qui est advenu en ceste ville de Paris depuis le 7 mai 1588 jusqu'au dernier jour de juing audit an // Archives curieuses de l'histoire de France... Paris, 1834. Tome II.

как они появились на улицах, стали строить баррикады, и убили много швейцарцев, которые — что тоже интересно! — были зарыты во рву, сделанном на паперти Нотр-Дама³⁶.

События Дня Баррикад остались надолго в памяти не только горожан, но и других французов, и в явной ассоциации с площадями. Ниже следует цитата из повести Добинье, гугенота, написанная как минимум через 30 лет: «Сатана... примчался к вратам ада весь взмыленный и давай орать, как сумасшедший: «Все не баррикады!» — ну прямо вылитый граф де Бриссак на площади Мобер»³⁷.

Как уже говорилось, большого числа цитат, связанных именно с коммунальной деятельностью на площадях, аналогичной той, что происходила в итальянских городах-республиках, таких как Флоренция, в дневниках не найти. Однако еще ближе к «королевскому торжеству» 1612 г. у де Летуаля появляются упоминания коммунальной деятельности, связанной с Гревской площадью — причем, это уже не ассоциации, а, скорее всего, реальность, которая попала в описания. Речь идет о подготовке к Генеральным штатам 26 января 1593 года, когда на площади собирался народ для обсуждения.

Такая деятельность, наверняка, происходила и раньше. Но теперь она начинает попадать в источники, а значит, площади начинают ассоциироваться с ней. Однако, скорее всего, гораздо большее значение имел сам факт «овладения городским пространством» восставшими. Можно предположить, что власть, столько натерпевшаяся от самоуправства народа, тоже это заметила и поспешила обезопасить себя от подобного в будущем.

К еще одному способу «овладения» относится картография. Более подробно об этом будет сказано в третьей части статьи. Теперь же достаточно указать, что начиная с 1550 г. Париж запечатлевается на картах, и во время Религиозных войн эти карты используются!

Пропорции и эстетика

Историк урбанизма Пьер Лаведан³⁸ выводит происхождение новых, королевских площадей Парижа из двух источников: дворцов и их дворов, как уже указывалось, и мостов. Дело в том, что мосты Парижа изначально были очень тесно застроенными. По словам иностранного путешественника, «чтобы увидеть воду, надо было зайти в лавочки, которые стояли на мосту».

³⁶ Pierre d'Estoile. Journal de Henri III, roy de France et de Pologne (1574–1589) // Collection complete des memoires relatifs a l'histoire de France. Par M. Petitot. Tome XLV. Paris, 1825.

³⁷ Приключения барона де Фенеста. Глава 9. // Теодор Агриппа д-Обинье. Приключения барона де Фенеста. Жизнь, рассказанная его детям (пер. И.Я. Волевич, В.Я. Парнах). Москва, «Наука», 2001.

³⁸ Pierre Lavedan. Histoire de l'Urbanisme Renaissance et Temps modernes. Paris, 1941.

Начиная с середины XVI в. мосты начинают перестраиваться. И при этом их фасады унифицируют! Т.е. делают то, что требовали от идеальных площадей Альберти и Палладио. Надо только упомянуть, что принципам архитектуры итальянского Возрождения в целом в Париже следовали и гораздо раньше, начиная с Франциска I (при постройке Лувра, Тюильри и множества других зданий в городе и пригородных дворцах). Само понятие красоты в отношении зданий тоже уже вполне знакомо парижанам. В частности, градостроительную деятельность Франциска отмечает и Жиль Коррозе.

Однако в дневниках перестройки мостов, хотя и отмечаются, но без подробностей. Лишь Н. Бонфан указывает причину, и, главное, не упускает и новшество — пропорциональность:

«В начале 1553 г. были снесены дома, располагающиеся на Малом мосту, со стороны (госпиталя — А.Л.) Отель-Дьё, которые от ветхости падали в Сену, а взамен были выстроены другие, из камня: все одного размера и выстроенные в одну линию... »

После этого, в 1578 г., началось строительство Нового моста, по словам Лаведана — настоящего прообраза Королевской площади. Он строился с перерывами и был закончен благодаря настойчивости Генриха IV в 1606 г. Его возводили уже настоящие архитекторы — Гийом Маршан и, возможно, Батист дю Серсо, который имел отношение и к Королевской площади. Благодаря Новому мосту два островка объединили с Иль-де-Сите и на этом месте как раз и разбили площадь Дофина. В 1613 на наземной части Нового моста была поставлена первая королевская статуя — Генриха IV. Те же одинаковые фасады, та же выстроенность в одну линию, как у Малого моста, только дома теперь стали красивее. По той же схеме, буквально через несколько лет начали строить первую новую Королевскую площадь.

Заключение

Таким образом, завершилась довольно долгая история (если считать с трактата Альберти, растянувшаяся на 160 лет!). Что мы можем заключить из анализа контекстов? К концу рассматриваемого периода восприятие площади изменилось. Изменилось, безусловно, восприятие и всех других элементов городского пространства. Город все более становится объектом обозрения и изучения со стороны жителей и властей.

В отношении площади мы видим, что она как бы проявилась, стала занимать больше места в субъективных переживаниях авторов текстов. Появились новые контексты — площадь начинает связываться с теми функциями, о которых думали теоретики: представления, спортивные состязания и, наконец, театрализованные торжества.

Последняя функция-ассоциация имеет отношение к тому, что власть начинает использовать площадь, планировать площадь, строить пло-

щадь. Это известно из истории города Парижа, но это также видно из анализа восприятия.

Площадь как бы остановилась, стабилизировалась, потеряв свои «динамические» контексты. С одной стороны, она была включена в официально-торжественные маршруты, а с другой стороны, видимо, начали исчезать маршруты казней, т.е. само символическое движение. Площади стали закрываться, превращаться, действительно, в подобие дворцовых дворов и театров. Таким образом, между нормативно-утопическим образом и образом восприятия возникает тем больше схождения, чем ближе источники к концу периода.

Можно предположить, исходя из анализа контекстов и функций, чем были вызваны, хотя бы частично, такие изменения.

Во-первых, пришло время воплощения идей итальянских теоретиков. Это связано с дальнейшим распространением идей итальянского Возрождения и неоплатонизма в частности. Тут можно вспомнить исследования Дени Крузе о платонизме власти в эпоху Религиозных войн и чисто архитектурную историю Парижа (волны итальянских архитекторов и теоретиков: при Франциске I, при Екатерине Медичи, наконец, при Генрихе IV уже работают свои мастера, вполне пропитавшиеся итальянской эстетикой).

Во-вторых, становится понятно, что «овладение городом» во многом было вызвано событиями Религиозных войн, когда Париж стал ареной военных действий, направленных против королевской власти. Использование площади как места сбора милиции и горожан, жаждущих Генеральных штатов, места вывешивания афиш, возможно, показало власти их важность.

Кроме того, ренессансное развитие уже в технической, а не философской или эстетической области привело площадь в сферу внимания власти. Здесь в виду имеются в первую очередь карты и, например, желание произвести обзор города, его хозяйственный осмотр как единого целого.

В целом, очевидно, что в Париже XVI в. площади все больше включались в сферу внимания как власти, так и простых наблюдателей.

3. Обзор города с башни³⁹

Теперь поговорим о еще одной практике, связанной с городским пространством Парижа, и доставшейся нам в наследство. Это туристический обзор города с высоты. Сейчас все лазают в высоту, на колокольни

³⁹ На обзор города с высоты обращает внимание Мишель де Серто в своей статье «Пешком по городу» (пер. А.А.Космарского части 1 главы 3 из сборника Michel de Certeau, *The practice of everyday life* Vol.1, 1984, опубликованной в журнале сообщества *Communitas*, №2, 2005). В этой статье де Серто предполагает, что практика могла зародиться на рубеже XVI и XVII вв.

и башни и специальные обзорные площадки. Городские башни обыгрываются всевозможными способами. Например, в знаменитой сцене из фильма «Кинг-Конг», почти в самом конце: воплощение «доброго дикаря» (даже доброго дикарского животного) по простоте душевной залезает на высокую башню, глядит оттуда на город, тоскует, вспоминая родные скалы и джунгли, и тут на него налетает злая авиация.

Этот образ «доброго дикаря», простодушного варвара, взобравшегося на башню, имеет замечательного предшественника, относящегося как раз к рассматриваемой нами эпохе. У Франсуа Рабле юный шалун-великан Гаргантюа приезжает в Париж, чтобы учиться и, утомленный зеваками, залезает на собор Нотр-Дам. Тут бедолагу тоже тревожат любопытные, и он, заявив, что сейчас оплатит им за гостеприимство, орошает их потоком мочи, при этом смыв многие тысячи и установив новую этимологию названия «Париж»⁴⁰. Хотя это выглядит весьма анекдотично, придется признать, что литературный Гаргантюа был первым туристом.

Что же с реальными туристами? Они появились более полувека спустя после выхода книги Рабле. Самое первое описание «обзора» (и тоже с башни собора Нотр-Дам) мы найдем у швейцарца Томаса Платтера (1599): *«С каждой стороны (от дверей – А.Л.) поднимается по одной высокой квадратной башне. Эти две башни имеют абсолютно одинаковую высоту; в них по 34 туаза высоты и они могут служить для защиты, так как их верхушка не заканчивается острием, а представляет собой платформу. Я поднялся туда и порадовался красивому виду на город. Мне также восхваляли большой колокол... в хорошую погоду его слышно на семь лье»*. В travelogue-путеводителе немца Йодокуса Зинзерлинга (Jodocus Justus Zinzerling, 1616 г.) сказано, что в Париже есть церкви «и особенно Нотр-Дам и Св. Женевьевы, башни которых позволяют осмотреть весь Париж». Здесь мы имеем дело уже с протоколом, правилом культурной практики. Конечно, нет еще указания на обязательность обзора города с высоты, как для некоторых парижских достопримечательностей, о которых в путеводителе француза Клода де Варенна ([1643] 1687) сказано, что их «необходимо осмотреть».

Надо признаться, что не все иностранные «туристы» проявляли хоть какой-то интерес к башням и другим «высотным зданиям». Например, бывший в Париже за четыре года до Платтера шотландец Фюнес Моррисон (1595), хотя тоже упомянул, что большой колокол слышно на семь лье вокруг, и называют этот колокол «Мария», на башни никакого внимания не обратил. Более того, следуя более раннему путеводителю швейцарца Теодора Цвингера (1577) он сообщил, что у собора Нотр-Дам их четыре, а не две!

Тем не менее, два упоминания, Платтера и Зинзерлинга — это уже некоторое свидетельство культурной практики. Благодаря им, мы можем

⁴⁰ Ф.Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Книга 1, гл. 17 (1534 г.)

примерно зафиксировать дату ее возникновения — рубеж XVI и XVII вв. Попробуем теперь отыскать ее истоки, и не у иностранцев (т.е. в конечном счете, в культуре их стран), а в самом Париже.

Во-первых, следует допустить, что если Платтер мог позволить себе забраться на церковную башню, значит, это, в принципе, не возбранялось. Однако до него, вероятно, с конкретной целью осмотра достопримечательностей никто этого не делал. Во-вторых, предположим, что в предшествующее столетие, а именно XVI в., что-то подготовило эту практику. И предположим еще, что это было связано с изменением восприятия. Даже если мы согласимся, что в Париж эту практику занесли иностранные туристы, нам придется признать, что в самом Париже к этому были готовы. Скудость источников не позволяет сделать окончательных выводов, поэтому мы ограничимся рядом гипотез.

Рассмотрим несколько направлений, связанных с этой практикой. Итак, обзор города или его частей с высоты вообще, без туристических целей. Далее, обзор города не обязательно с высоты, но не частями, а со стремлением к целостности, хотя бы и воображаемой. Наконец, отношение к высоте в городе, к его вертикальному измерению. К рассматриваемой практике имеют отношения многие другие темы. Достаточно упомянуть такую: согласно Роберу Мандру, зрение среди органов чувств в начале Нового времени занимало лишь третье место (после слуха и восприятия наощупь)⁴¹.

Но вернемся к источникам. Что же, до швейцарского туриста Парижа никто с высоты не осматривал? Осматривал, по крайней мере, один раз, и человек далеко не последний во французском государстве. Речь идет, опять же, о Генрихе IV:

«1589. Среда, 1-го ноября: в этот День Всех Святых, король пожелал открыто поглядеть на свой город Париж, и поднялся высоко на колокольную церквю в Сен-Жермен-де-Пре, куда его проводил один монах, с которым он находился наедине, и, спустившись, он сказал маршалу Бирону, что его охватил страх, когда он был с этим монахом, при воспоминании о ноже брата Клемана, и что он никогда не пойдет с каким-либо монахом, если у него перед этим не поищут нож...»⁴²

Маленькое уточнение, чтобы стала понятна интрига: незадолго до этого на короля покушался монах брат Клеман, а значит, чтобы полюбоваться своим городом, королю действительно пришлось пережить весьма неприятные минуты. В остальном здесь все кажется понятным: королю просто пожелалось обозреть свой город с башни. Однако мы уже в курсе, что это действие было весьма новым. Мы знаем, что после это-

⁴¹ R.Mandrou. Introduction to modern France.1500–1640. An essay in historical psychology. New York, 1975 [Paris 1961].

⁴² L'Estoile, Pierre de. Journal d'un bourgeois de Paris sous Henri III (отрывки), Paris, 1966.

го рискованного подъема короля на башню эта практика, можно сказать, утвердилась и попала в путеводители. До этого никто из монархов таких пожеланий не выражал.

Тут вполне может возникнуть возражение: все это обсуждение и яйца выеденного не стоит, потому что и башни и колокольни издавна использовались для выглядывания врага и предотвращения пожаров! Однако оказывается, что не издавна. Специальные пожарные каланчи, например, в Европе стали строить лишь на рубеже XVIII и XIX в. Использовали ли до этого уже существующие «высотные» здания? Контекстуальный контент-анализ текстов этого не подтверждает. В контексте «пожар» — кстати, довольно частом — «башни» и «колокольни» не встречаются, за исключением тех случаев, когда сами же башни и горят, например, пораженные молнией, как башня Билли в 1538 году⁴³. Как же тогда пытались предотвратить пожары? Очень просто: особые люди обходили все улицы, когда угроза была особенно велика (например, когда враг близко, засланных поджигателей использовали активно, и о упоминание «противопожарных мер» именно такого, не-высотного характера в дневниках довольно часто). Например, в 1524 г. были пожары в Труа — их связывали с фламандцами, тогда врагами короля Франциска I. Ожидали поджигателей и в Париже, причем, ходили слухи, что они используют «греческий огонь». Вот как Николя Версорис описывает противопожарные меры:

«Также после собрания в Ратуше горожан Парижа было решено, что в каждом квартале от каждого десятичника по ночам будут ходить по улицам квартала до шестнадцати вооруженных человек... Кроме того горожане Парижа, боялись настолько сильно,... что стали забивать дырки и выходные отверстия своих подвалов и другие окна внизу, которые выходят на улицы, чтобы поджигатели ночью не бросили им греческий огонь... а также было приказано хозяевам домов всегда держать наготове много воды...»

Нечто подобное характерно, кстати, и для маяков: по подсчету Алана Стивенсона, к 1600 г. по всей Европе их было лишь 34, зато к 1800 г. стало 175. Первый «современный маяк», как указывает Стивенсон, Tour de Corduan в Бискайском заливе, начали строить в 1584 г., а закончили примерно в 1610 г., еще при Генрихе IV⁴⁴.

История выглядывания врагов с высоких мест сложнее. По крайней мере, общеизвестно, что в средние века в замках (не в городах) баш-

⁴³ У Ж.Коррозе. Или, например, в «Дневнике Парижского горожанина» за 1444 г.: «В середине Пасхи случилась гроза... Молния ударила в церковь Сен-Мартен-де-Шам, сбросив крест, верхушку колокольни с каменным шариком... ремонт обошелся больше, чем в 300 золотых экю...»

⁴⁴ A. Stevenson. A Rudimentary Treatise on the History, Construction and Illumination of Lighthouses. London, 1850.

ни использовались для дозоров. Но что касается Парижа, в дневниках мне встретилось лишь одно-единственное упоминание — в анонимном «Дневнике парижского горожанина» (1405–49). В 1411 году арманьяки (враги бургиньонов и их союзников англичан, занявших тогда Париж) захватили Сен-Дени и Сен-Клу, городки в нескольких километрах от Парижа: «Их (арманьяков – А.Л.) сеньоры расположились на Монмартре и оттуда смотрели на Париж, кто в него заходит и кто выходит, и это вызывало у парижан большой страх». Здесь можно вспомнить, что как раз в XVI в. королевская власть начинает активно бороться с самостоятельностью аристократов в провинции и сносить их замки вместе с донжонами. В самом же Париже при Франциске I была снесена большая часть Лувра (как раз классического средневекового замка) вместе с башней. Возможно, старые (средневековые) представления о «высотных зданиях» к XVI в. были окончательно забыты, а новые, которые мы и пытаемся проследить, только возникали.

С чисто бытовой точки зрения, жить на высоте не считалось престижным. На верхних этажах селились люди победнее, например, студенты. Почтенные домохозяева и особенно ремесленники жили на втором этаже, первый оставляя для лавки или мастерской. Чердаки всегда были дешевле — об этом свидетельствуют, например, нотариальные акты XVI в., где приводятся цифры ренты. Однако, конечно, особых правил на этот счет не существовало. Попадают, например, такие дневниковые сообщения (Пьер де Летуаль, за 1590 г.): «...В Париже был найден мертвым месть Эгрефен, адвокат Большого совета, который либо упал, либо был сброшен из окна на самом верхнем этаже своего дома».

Никаких иных «высоких устремлений» в дневниках мне пока обнаружить не удалось. Конечно, проживая в городе, где есть «высотные здания», парижане не могли их полностью игнорировать. Но упоминания об этом скудны. Приходится обращать внимание и на косвенные указания. Например, Николя Пулен, двойной агент (короля и лигеров), в 1588 г., желая привлечь внимание заговорщиков, которых он потом выдаст, прогуливается под их окнами.⁴⁵ Можно предположить, что эти окна были не на первом этаже, хотя и необязательно.

Контент-анализ показывает, что обыденное, профанное «вертикальное измерение» мало интересовало не только парижан, авторов дневников, но даже и Жюль Коррозе, автора самого первого парижского путеводителя. Башни в контексте, не связанном с их крушением или простым перечислением зданий какого-либо комплекса (что, по сути дела, и контекстом не является) упоминаются только тогда, когда речь идет об их сносе. Как раз У Коррозе и говорится о сносе Большой башни

⁴⁵ «Ожидая, пока Леклерк выйдет из означенного места (дом Совета Лиги — А.Л.), я прогуливался поблизости взад и вперед с тем, чтобы он и его товарищи сразу меня заметили, так как рассчитывал, что увидев меня столь близко от места их собрания, они поверят, что я выказываю себя большим сторонником их партии».

Лувра в 1529, по указу Франциска I, чтобы «расширить пространство двора»⁴⁶. Башни, колокольни и даже вторые-третьи-четвертые этажи практически не интересуют авторов указанных источников до 80-х годов⁴⁷. В проанализированных текстах дневников и путеводителей XV-XVI вв. башни (категории и имена), башенки и колокольни упоминаются всего 71 раз (можно сравнить с цифрой 241 для площадей). Это слишком незначительное количество, чтобы продолжать разбирать единичные контексты.

Мы ограничимся одним, введя различие профанного и сакрального (+символического) восприятия «вертикали» и «верха». По поводу профанного достаточно сказано выше. По поводу сакрального можно прочесть в статье Жака Ле Гоффа «Язык жестов Чистилища»: «Системы пространственной оппозиции, предпочитаемые средневековыми христианами — и не только средневековыми, — представлены парой верх-низ, которая, в свою очередь, порождает пару подниматься-спускаться, и парой внутренний-внешний, порождающей пару входить-выходить, которая без труда трансформировалась в триаду входить-пересекать-выходить. В средневековой христианской идеологии большое значение имели направления вверх и внутрь. Идеальная цель, которую предлагалось реализовать христианину, заключалась в вознесении духом и сосредоточенности на мире духовном (вознесение и интериоризация)». Он же в «Теле и идеологии на средневековом Западе» еще раз повторяет: «Похоже, что внутри традиционных индоевропейских систем, на основании которых определяется значимость пространства, средневековый человек оппозиции лево-право (разумеется, существующей по-прежнему, ведь на Страшном суде Бог определит праведников по правую руку, а грешников — по левую) предпочел оппозицию верх/низ и оппозицию внутренний/внешний»⁴⁸.

⁴⁶ Fit raser la grosse tour du Louvre pour spacer et amplifier la cour d'iceluy Chasteau (Gilles Corrozet, Nicolas Bonfan. *Antiquitez chroniques et singularitez...de Paris*. P., 1586).

⁴⁷ Вот достаточно типичное упоминание этажа — он служит измерителем несчастья. Потопа, и причем буквально. «В 1526 г. маленькая река в Париже и предместье Сен-Марсель (р.Бьевр — А.Л.) разлилась до того, что большая часть улиц в этом предместье и дома до второго этажа оказались в воде...» (Corrozet, p. 155 a) На самом деле, еще до XVIII в. холмы, а также башни и этажи домов служат косвенным указанием на потоп (см. М.Ямпольский. *Наблюдатель. Очерки истории видения*. М., НЛО, 2000). В начале этой традиции — горы, которые в Библии впервые упоминаются именно в связи с потопом, и таким образом, «горный рай» становится пропавшим раем, раем, связанным с грехом. Следует упомянуть, что колокола часто встречаются в контексте военных действий: когда враг подходил близко, в них запрещали бить, чтобы не пропустить атаки (а во время осады жители погибали от эпидемий), а сигналом к Варфоломеевской ночи 1572 г. послужил удар колокола на Пале.

⁴⁸ Обе статьи: Жак Ле Гофф. *Средневековый мир воображаемого*. Пер. Е.В.Морозовой, М., 2001 — *L'imaginaire medieval. Essais par Jacques Le Goff*. Gallimard, Bibliothèques des Histoires, 1985

Ле Гофф указывает, что эти оппозиции значимы не только для Средневековья, но и для Нового времени, ссылаясь на статью «Верх и Низ» Карло Гинзбурга⁴⁹, в которой, скорее, разбирается уже даже не психологическая, и не сакральная, а гносеологическая ориентация (верх-Бог-знания).

Это достаточно общие указания. Что же с конкретным городским пространством Парижа? Почитание сакрального «верха» можно найти и здесь. В прямом, пространственном смысле: ведь башни, и особенно таковые Нотр-Дама, ближе к небу. Коррозе (1550) пересказывает средневековое «сообщение», ссылаясь на хроники Фруассара:

«В 1389 г. Изабелла Баварская, королева Франции, совершала свой въезд в Париж. Когда она проезжала через мост Менял, обтянутый голубой тафетой с золотыми лилиями, некий человек в виде летящего ангела спустился с башни Нотр-Дама и возложил ей на голову корону; потом, с той же легкостью он вернулся, как бы летя, на место, с которого он спустился...» Это видение запомнилось и даже воспроизводилось впоследствии — правда, без реального полета и башен: в 1437 король Карл VII въезжает в Париж: «У ворот Сен-Дени юноша, представляющий при помощи особого искусства летающего в воздухе Ангела, вручил ему ключи от города».

В некотором смысле, эту «символически-сакральную» линию продолжал Евстахий Кнобельсдорф, автор хвалебной поэмы, посвященной Парижу (1543). Прежде чем объяснить, в чем заключалось это продолжение, стоит указать, что поэма весьма сильно повлияла на дальнейшую традицию парижских путеводителей — и травелогов иностранных путешественников, а это имеет прямое отношение к туристическому «обзору с башни». А также к тому, что действительно вызвало к жизни саму практику обзора — к картографированию города.

Евстахий Кнобельсдорф был пруссак (т.е. польский подданный) и его поэма «*Descriptio Lutetiae*» («Описание Лютеции») написана на латыни. Здесь он действительно дает весьма подробное описание. Правда, еще до-картографического периода: здесь осью, вокруг которой закручивается описание, является река Сена. В этом, как уверяют современные комментаторы поэмы, Кнобельсдорф следовал образцу Авзония, восславившего реку Мозель. Также он следовал и другим образцам, например, сатирам Ювенала, когда утверждал, что улицы Парижа широки и на них невероятное движение. Движение и правда, существовало, но вот улицы были, наоборот, чудовищно узки. Причем, сам Кнобельсдорф это хорошо знал, так как прожил в Париже достаточно долго. Вероятно, также откуда-то из античной традиции появляется и устремленность вверх, связанная с башнями Нотр-Дама.

⁴⁹ К. Гинзбург. Мифы-эмблемы-приметы. М., Новое издательство, 2004 — Carlo Ginzburg. *Miti emblematici spie*. Einaudi 1986. Естественно, эта статья публиковалась, как и статьи Ле Гоффа, еще ранее в журналах, *Past and Present*, 1976.

Обратимся к цитатам: «Сена поворачивает в своем движении, созерцая блистательные здания, до тех пор, пока она не видит, как вздымаются к небу две башни, которые были воздвигнуты некогда для божественной матери Христа...» — здесь как раз и проявляется линия «сакральности». А вот, скорее, просто «символическое» обыгрывание высотности, без обращения к христианским аллюзиям: «Жилища вздымают высоко в небо свои гордые вершины, чтобы быть более вместительными для своих владельцев... То, чему мешает недостаток места, позволяет искусство (*Quod spatium vetuit, prestitit artis opus*)».

В самой поэме прочитывается легкость и стремительность: город, несмотря на то, что он описывается еще в пред-картографическую эпоху, уже виден как бы с высоты, с птичьего полета.

Теперь перейдем к самой интересной части и попробуем понять, какими событиями, помимо случаев непосредственного созерцания, было вызвано появление практики «обзора города». Как и в случае с «торжеством на площади», мы найдем здесь желание власти присвоить себе городское пространство. На этот раз очень понятным способом: картографированием и посадкой особых чиновников, следящих за порядком в городе — с высоты.

Сначала — картографирование. Сама его техника напрямую связана с обзором⁵⁰. Научная картография началась в 1520–30 гг., с трудов Себастьяна Мюнстера и Геммы Фризиуса. Съемка производилась «планиметром» Фризиуса, прообразом современного теодолита, при помощи триангуляции: расстояния измерялись по земле («периамбулятором», колесом со счетчиком), а затем геодезисты забирались на башни или холмы, и учитывая их высоту, замеряли углы. С 1570-х гг. в Англии уже использовались планшеты с планиметром, под которым крепился листок бумаги⁵¹.

Однако, хотя картография и развивалась с 20-х годов XVI в., а Себастьян Мюнстер включил во второй том своей «Космографию» (1550 г.), карту Парижа (выполненную в 1544 г., и возможно, сделанную по памяти) в самом Париже она не была известна вплоть до 1572 г., когда Франсуа Бельфоре перевел весь труд Мюнстера, а карту исправил. Между тем как раз в 1550-м году королю Генриху II захотелось получить «портрет и рисунок... города Парижа». Этим портретом стал путеводитель Жюль Коррозе, выпущенный в том же году (у него уже были труды по парижским древностям, и сам путеводитель имел название «Древности, хроники и необычности... Парижа»⁵²), а с дополнениями Нико-

⁵⁰ См. в этом же номере статью К.В.Иванова, рассматривающего почти ту же эпоху и более подробно затрагивающего темы взгляда сверху на город в гравюрах и живописи

⁵¹ Landmark of mapmaking. An illustrated survey of maps and mapmaking. Text written by Charles Briecker. Oxford, 1976; Johannes Keuning. XVIth century cartography in Netherlands//Imago Mundi, №9 (1952); E.Lynam. English maps and map-makers of XVIth century//The Geographical Journal. Vol.116, №1/3 (1950).

⁵² Les Antiquitez Chroniques et singularitez de Paris.

ля Бонфана переизданный в 1586 г. Именно Бонфан рассказывает про заказ «портрета и рисунка» — «рисунок», т.е. карту для короля заказал, видимо, сам Коррозе. Ее выполнили Трюшо и Уайо в 1552 году, она была подробной и точной (в отличие от карты Мюнстера), и стала весьма популярной. Ее рассматривают, и уже на ее основании составляют путеводители!⁵³

Теодор Цвингер даже повторяет все ошибки этой карты, которые затем перешли в травелоги путешественников, в частности, Фюнеса Моррисона. Например, оба рассказывают о четырех островах на Сене в границах Парижа, хотя на самом деле их было три, а один, который находится у моста Шарантон, на карте сильно сдвинут. Именно из рассмотрения Парижа через карту происходят некоторые изменения в его глобальном восприятии: Ville и Universite (две из трех частей Парижа, третьей частью был Ile de Cite) начинают уподоблять двум полумесяцам или двум полукружьям, и этот образ кочует из одного травелога в другой. Сена перестает быть главной осью Парижа, как это было у Кнобельсдорфа. По результатам контент-анализа, теперь все путешественники упоминают эти три «топографические» части Парижа (в дневниках их не упоминают!), примерно столь же часто, как и основные достопримечательности города: Нотр-Дам, Пале и Лувр. И даже сопровождают издания своих травелогов самодельными, схематичными картами, как Фюнес Моррисон. Картой (правда, неизвестно, этой или из французского издания Себастьяна Мюнстера) пользуются парижские заговорщики-лигеры, за которыми присматривает «двойной агент» Николя Пулен⁵⁴. Словом, карты вошли в обыденную жизнь, вызвав появление своего рода «картографического восприятия».

В желании осмотреть город с башни, безусловно, сыграло свою роль распространение гравюр, изображающих не только Париж, но и другие города. Их количество росло. Они начинают влиять даже на карты: если геодезисты изначально стремились изображать здания как бы под углом в 45%, «с птичьего полета», то позже в них вводится перспектива, таким образом, сочетая «трехмерность» гравюры и топографическую точность. Первая карта Парижа такого типа датируется 1615 г. (Матиаса Мериана).

⁵³ Вероятно, к анализируемой практике имеет отношение и общее развитие оптики, и, в частности, появление телескопов (люди начали смотреть в небо, в высоту). На появление оптических приборов как на причину «развития» зрения указывает и Р.Мандру.

⁵⁴ «Ассамблея в доме Сентея перед Сен-Жерве... Согласно предписанию герцога Гиза, необходимо выделить (новые – П.Ю.Уваров) кварталы и прикинуть, сколько лигеров может быть в каждом из них, затем назначить полковника для каждого квартала, а под его началом – четырех капитанов... тотчас же... Лашапел развернул большую карту на плотной бумаге, где был нарисован город Париж и его предместья. Вместо имевшихся 16 кварталов были выделены 5 новых, и для каждого был назначен полковник».

Создание «портрета и рисунка» Парижа сопровождали иные административные действия власти, которые тоже имеют отношение к присвоению городского пространства. Вот что о них сообщает тот же Н. Бонфан. Король Генрих II, едва заняв трон, замысливает множество перемен в жизни Парижа. Карта ему, возможно, потребовалась для того, чтобы обнести стеной предместья Парижа (это начинание не было осуществлено). Он застраивает предместья, и вслед за ним за пределы городских стен устремляются аристократы и буржуа. В самом же городе он возводит административные здания и пристройки:

«В этом (1550-м — А.Л.) году были заложены здания из камня и кирпича в Валле-де-Мизер, напротив Шатле, внизу которого располагаются жилища некоторых ювелиров и купцов: высший этаж был определен для коммиссаров Шатле...»

«В это время сержанты-с-жезлом начали возводить себе жилища, по-другому говоря кабинеты или бюро, крытые шифером и украшенные изображениями короля и Справедливости, чтобы там пребывать днем. Одно такое у ворот Бодэ, другое в Сен-Жак-де-Лопиталь, третье у Мале-го Шатле, другое у моста Сен-Мишель, и на площади Мобер».

«Другие письма (направлены королем — А.Л.) в отделения и учреждения коммиссаров и квартирньеров, в некоторых местах и площадях Вилье, Сите, Университе и предместий: следить за делами и нуждами...»

Стоит упомянуть, что в той части путеводителя Коррозе, которую дописывал уже Бонфан в 1586 г., т.е. касающейся событий после 1550 г., городские элементы, находящиеся на высоте, упоминаются чаще и в новых контекстах. Бонфан первым упоминает о башне как об ориентире (а функция ориентира для городских элементов всегда показательна) — речь идет о башне Grande Boucherie (Большого Мясницкого Ряда). Он же упоминает часы на Пале, дважды — говоря о 1580-х гг. До этого о них вообще ничего не говорилось, а тут сообщается об их ремонте. Возможно, это некое свидетельство того, что горожане начали поднимать голову вверх.

Наконец, в знак некоторого подтверждения того, что практика исходила от власти, приведем такую цитату из дневника де Летуаля за 1584 г.: Генрих III явно вызвал удивление своих подданных, когда «*Король, одетый в фиолетовое, провел, закрытый по самое лицо, четыре или пять часов у окна некоего дома перед Отель-Дье, глядя, как проходят похоронные процессии*» (хоронили его брата). Взгляд сверху получил еще одно королевское оправдание — за пять лет до того, как уже Генрих IV стал взбираться на башню в компании столь напугавшего его монаха.

Итак, можно подытожить. Парижский «обзор с башни» может оказаться связан с ростом интереса к вертикальному измерению города, а также с административной деятельностью королевской власти, стремившейся присвоить городское пространство, с развитием картографии и распространением гравюр (которые и были вызваны, в свою

очередь, сами вызвав последующие изменения, в мышлении людей), а также, вероятно, с заимствованием практик иностранцев. Имеющиеся данные не позволяют выстроить все приведенные примеры в какую-то стройную логическую цепочку из-за их малочисленности. Безусловно, чтобы проследить первоисторию самой практики, потребуется выяснить, как обстояли дела с «обзором с башни» в других европейских городах.